

© 1990 г.

ПОЧЕПЦОВ О. Г.

ЯЗЫКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МИРА

В одной из английских комедий югославский радиолюбитель начинает разговор со своим английским коллегой следующими словами: *Fraternal greetings, comrade, from the working class of Belgrade* «Братский привет, товарищ, от рабочего класса Белграда». С точки зрения норм английского языка¹ данное предложение безупречно. В то же время то, что сказал радиолюбитель, явно аномально. Говорящий в данном случае соблюдает нормы английского языка_ц, но нарушает нормы английской речи: мы имеем отмеченное предложение, но неотмеченное высказывание.

Непосредственной причиной аномальности приведенного приветствия является его содержание. Рассматриваемое высказывание можно определить и как неуместное. Однако понятие неуместности слишком общее, чтобы его можно было использовать с целью прояснения причины аномальности приведенного приветствия (даже орфографические ошибки можно описывать как неуместное употребление букв). Иными словами, мы ничего не проясним, если ограничимся констатацией того, что данное высказывание — неуместное. Нам все равно придется ответить на вопрос, что же конкретно неуместно в анализируемом высказывании. В результате мы приходим к тому же самому выводу: неуместным является содержание (что же касается иллюкутивной силы высказывания — приветствия — то она, естественно, уместна).

Рассмотрим еще один пример. Русским эквивалентом английского высказывания *The bomb was safely defused* будет высказывание *Бомба была обезврежена*. Буквальный перевод — «Бомба была успешно обезврежена» — абсолютно правилен с точки зрения языковой грамматики, однако аномален с точки зрения речевой грамматики. При этом, как и в предыдущем случае, мы сталкиваемся с аномалией содержания, однако аномалией несколько иного рода.

Ограничившись использованием собственно лингвистических данных и понятий, мы сможем лишь описать подобные аномалии, но мы не сможем исследовать их природу. В данной статье мы попытаемся выявить закономерности, лежащие за подобными аномалиями.

С помощью языка_ц мы отражаем мир. Именно отражаем, а не описываем или, точнее, не только описываем, поскольку описание — это лишь одна из форм языкового отражения мира. Вопросы, побуждения — это также же формы отражения, или представления, мира, как и все остальные речевые акты.

¹ Язык можно понимать, по крайней мере, трояко: а) как единство языка-системы и языка-деятельности, или речи; б) как язык-систему и в) как язык-деятельность, или речь. В дальнейшем «язык» в первом значении мы будем обозначать как язык_ц, «язык» во втором значении — как язык_д, а «язык» в третьем значении — как речь.

Представление, или отражение, мира построено на принципе пиков: отражение мира осуществляется путем отражения его пиков. Иными словами, отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, т. е. те его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир.

Языковое представление мира можно рассматривать как языковое мышление, поскольку, во-первых, представление мира — это его осмысление, или интерпретация, а не простое «фотографирование», и, во-вторых, рассматриваемое представление, или отражение, носит языковой характер, т. е. оно осуществляется в форме языка₁ и существует в форме языка₁.

Соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением можно определить как языковую ментальность.

Метафора, приравнивающая предложение и, шире, язык к некоей картине, распространена как среди ученых, изучающих философию языка, так и среди ученых, занимающихся философией изобразительного искусства (см., например [1]). Развивая данную метафору, можно сказать, что языковеды (т. е. «искусствоведы») уделяют гораздо больше внимания технике живописи, нежели манере, свойственной художникам, представляющим те или иные направления, хотя именно манера письма должна представлять наибольший интерес для теории живописи. Языковая ментальность — это и есть манера письма.

Под миром в определении языковой ментальности мы понимаем не только окружающий человека мир, но и мир, создаваемый человеком и нередко в большей части своего объема прекращающий свое существование, когда исчезает его создатель и носитель — человек, т. е. мир речевых действий человека и его состояний.

На данном этапе наших рассуждений у читателя может возникнуть вопрос: выше речевые действия определены как формы отражения мира, откуда следует, что речевые акты отражают, или представляют, мир; в последнем абзаце указывается, что речевые акты образуют мир (или, точнее, один из миров); каким образом речевые акты могут одновременно и создавать речевой мир, и представлять его? Не происходит ли здесь некое раздвоение «личности»? Своеобразное раздвоение личности действительно происходит, но оно наблюдается не только в этом случае, но и во всех тех случаях, когда мы имеем дело с перформативными высказываниями (т. е. высказываниями, при произнесении которых совершается некоторый речевой акт; если исходить из данного определения, все высказывания оказываются перформативными), поскольку при произнесении перформативного высказывания говорящий не только совершает речевой акт, но и описывает его, а точнее, представляет (с различной степенью точности и экзистентности). (В этом смысле любое действие — это действие плюс представление данного действия. Однако, в отличие от речевых действий, далеко не все неречевые действия задуманы их агентами и как действия, и как представления данных действий.)

Анализируя языковое мышление, мы исходим из следующего понимания мира:

а) Мир является единым для всех. Хотя люди живут в различных частях мира вообще и для них характерны различные психологические и ментальные миры, мы исходим из того, что данные миры, взятые в целом, являются едиными для всех.

б) Мир носит континуальный характер. Мир делит человек, как физически (например, с помощью границ), так и с помощью языка₁. Так, когда мы говорим о шкафе абстрактно, мы абстрагируемся от многих компонен-

тов, которые могут быть различными у разных шкафов. Когда же мы говорим о конкретном шкафе, мы отрываем шкаф от окружающей его обстановки, с которой он образует единое целое.

Аналогичным образом, представляя с помощью высказывания *Он молча шел по улице, размышляя над названием для будущей статьи* некоторый участок мира, из континуумного, или цельного, мира мы вырываем определенную ситуацию, поскольку мы абстрагируемся от ряда обстоятельств, например, от того, что одновременно с этим человеком, возможно, шли другие люди, светило солнце или шел дождь, дул ветер или было безветренно и т. д. (Вычленение ситуаций носит далеко не произвольный характер. Так, если сын сообщит отцу о полученной отличной отметке, но не сообщит о полученной в тот же день неудовлетворительной оценке, то отец вряд ли посчитает такое вычленение ситуации приемлемым.)

Деление мира с помощью языка, таким образом, осуществляется путем наложения на мир концептуальной сетки (т. е. путем выделения концептов) и ситуационной сетки (т. е. путем выделения ситуаций).

в) Мир — информационно полный. В мире нет «недомолвок»: информацию о себе мир содержит в полном объеме. Что же касается языкового представления мира, то оно информационно неполно и/или неточно, поскольку а) таков принцип отражения (принцип пиков), б) человек может не знать мир как индивид и в) человек может не знать мир как представитель данного социума. Последние два положения показывают, что языковое мышление отражает уровень знаний человека о мире как индивида и уровень знаний человека о мире как представителя некоторого общества, откуда следует, что языковое мышление частично отражает и уровень знаний о мире данного общества. Так, незнание того, что Земля вращается вокруг Солнца, находило отражение в искаженном представлении фактов в языковом мышлении (например, в ряде языков можно сказать «солнце восходит»).

Другой пример: тот факт, что в предложении *Медведь залез на дерево* не указаны ни порода медведя, ни порода дерева, может объясняться каким-либо из перечисленных факторов или их комбинацией. Можно возразить, что указанные породы медведей и породы деревьев — это уже результат наложения концептуальной сетки и поэтому не может содержаться в соответствующих участках мира. Данное утверждение верно лишь отчасти: человеком привнесены лишь названия, что же касается особенностей пород медведей и пород деревьев, то они объективно существуют в мире.

Естественно, речевое произведение может быть и более информативным, чем приведенное выше высказывание, относительно того, действие каких факторов привело к его информационной неполноте. Так, неполнота высказывания *Он вошел во что-то серое и блестящее и взлетел* вызвана фактором б) и/или фактором в), но не фактором а).

Каково соотношение между языковым мышлением и мышлением вообще? По нашему мнению, языковое мышление — это часть общего мышления. Детерминанты языкового мышления во многом являются одновременно и детерминантами мышления вообще, и наоборот. Возможна и другая точка зрения: никакого языкового мышления нет, языковое мышление — это мышление вообще, облеченное в языковую форму. На это можно возразить следующим образом: во-первых, имеются такие типы языкового мышления, которые существуют только в языковом виде (например, поэтическое или драматургическое мышление), во-вторых,

по-видимому, существуют такие виды мышления, которые в принципе не могут быть подвергнуты вербализации, в-третьих, имеются такие виды мышления, которые не подвергаются вербализации в обычных условиях, как, например, музыкальное мышление (см. [2]), и, наконец, в-четвертых, языковое мышление объективно существует. Что же касается утверждений о том, что мышление у всех людей протекает в одной и той же форме, а затем подвергается или не подвергается вербализации, то убедительных доказательств их истинности в настоящее время нет.

Существуют не только в принципе вербализуемые и невербализуемые виды мышления, но и в принципе вербализуемые и в принципе невербализуемые мыслительные акты (т. е. акты, не образующие отдельный вид мышления, а являющиеся проявлением одного из видов мышления). Наряду с этим существуют вербализованные и невербализованные мыслительные акты, а также обычно вербализуемые и обычно невербализуемые виды мышления/изолированные мыслительные акты. Языковое мышление образуют: а) те виды и акты мышления, которые могут осуществляться исключительно в вербальной форме и б) те вербализованные виды и акты мышления, которые допускают как вербальную, так и невербальную форму осуществления.

Язык включает в себя язык-систему, или язык_н, и речь. Соответственно языковое_н мышление включает в себя языковое_н мышление и речевое мышление, а языковая_н ментальность — языковую_н ментальность и речевую ментальность, или речементальность.

Языковое_н мышление — это представление, или деление, мира в языке_н и с помощью языка_н, иными словами, языковое_н представление, или отражение, мира. Языковая_н ментальность — это способ языкового_н представления, или деления, мира, т. е. включает соотношение между миром и его языковым_н представлением, или образом.

Речевое мышление — это представление, или деление, мира в речи и посредством речи, иными словами, речевое представление мира. Если языковое_н мышление — это концептуальное и/или фокусное деление мира, то речевое мышление — это ситуационное деление мира.

Речевая ментальность — это способ речевого мышления, т. е. способ речевого представления мира, соотношение между миром и его речевым представлением, или образом. Языковая_н ментальность тесно связана с языковым_н мышлением. Более того, как следует из определения, языковая_н ментальность — это аспект языкового_н мышления. При этом языковая_н ментальность — это важнейший аспект языкового мышления. В силу этого, а также по той причине, что нас в данной статье в первую очередь интересует языковая_н ментальность (в дальнейшем термины языковое_н/языковое_н/речевое мышление и языковая_н/языковая_н/речевая ментальность мы будем использовать как взаимозаменяемые, отдавая предпочтение терминам языковая_н/языковая_н/речевая ментальность). Особенности языковой_н ментальности заключаются а) в том, какие части мира оказываются охватываемыми концептами, и б) в том, как данные концепты «покрывают» мир, т. е. каков рисунок, очертания данного «раздела» мира. Языковая_н ментальность бывает двух типов: лексическая и грамматическая. Языковая_н ментальность лексического типа отражена в лексико-семантической системе. Особенности языковой_н ментальности грамматического типа определяются локальным, темпоральным и другими фокусами представления мира. Данные фокусы представления мира закреплены в первую очередь в грамматической системе (в системе времен, категории числа, категории рода и т. д.).

Особенности речевой ментальности заключаются а) в том, какие части мира² оказываются охваченными речевыми произведениями, и б) в том, как речевые произведения охватывают мир, т. е. каков рисунок, очертания речевого раздела мира.

Языково^омышление (а не ментальность) реализуется с помощью языково^омыслительных актов. Языково^омыслительный акт, таким образом, — это акт представления, или отражения мира в языке, и с помощью языка.

Языково^омыслительный акт устанавливает определенное соотношение между миром и его языковым отражением, и поэтому языково^омыслительный акт одновременно является и языково^оментальным актом (как мы и будем его называть в дальнейшем).

Существуют два типа языково^омыслительных актов: языково^оментальные акты и речементальные акты. Языково^оментальный акт (в дальнейшем — ЯМА) — это акт концептуального и/или фокусного представления мира. Концептуальное членение мира осуществляется ЯМА лексического типа, а фокусное членение — ЯМА грамматического типа. Языковой составляющей ЯМА является слово или словосочетание.

Речементальный акт (в дальнейшем — РМА) — это акт ситуационного представления мира. РМА имеют своим результатом выделение, или вычленение, ситуации из мира, которая закрепляется в высказывании или дискурсе. Языковой составляющей РМА, таким образом, является предложение или текст.

Внутренняя структура РМА включает речементальное действие и объект данного речементального действия, или объект РМА, который, в свою очередь, может включать речементальное действие/состояние и его объект (ср. с понятием объекта речевого акта [3, с. 25—37]). Речементальное действие, как и речементальное состояние, интенционально по своему характеру (интенциональность в данном случае понимается как направленность).

РМА во многом близок речевому акту. Их объединяет: а) действительная природа, б) формат членения мира, в) способ реализации (в речи и посредством речи), г) языковая составляющая. Наиболее существенное различие заключается в следующем: если речевой акт — это единица речевой деятельности, то РМА — это единица рече^омыслительной деятельности. Речевой акт и РМА представляют разные стороны одного и того же явления — реализации речевого произведения. Теория речевых актов дает интенциональную (интенциональность в данном случае понимается как целенаправленность) картину высказывания, а теория РМА может дать его когнитивную картину; поэтому теорию РМА можно рассматривать как одно из направлений в рамках когнитивной прагматики.

Базовое, т. е. исходное, речементальное действие представлено описанием, побуждением и спрашиванием. Все остальные возможные речементальные действия надстраиваются над данными действиями, т. е. являются по отношению к ним вторичными.

Ситуации, таким образом, могут быть заданы как описания, побуждения или вопросы. Ведущими являются ситуации, заданные как описа-

² Более привычным в данном случае был бы термин «ситуация». Мы, однако, воздержались от его использования применительно к миру и будем применять этот термин лишь по отношению к языковому представлению мира, поскольку мир, как указывалось выше, неделим: ситуации, как и концепты, привносятся человеком.

ния, поскольку неречевой мир — это дескриптивный мир; что же касается социального мира, т. е. мира человеческих взаимодействий, то это — не только дескриптивный мир, но и мир других речевых действий. По-видимому, именно в силу главенствующей роли дескриптивного мира он присутствует в каждом объекте РМА.

Исследование РМА предполагает изучение его составляющих — речементального действия и его объекта. Что касается речементальных действий (как базовых, или первичных, так и вторичных и т. д.), то здесь исследователя ожидают наименьшие сложности, поскольку имеется хорошо разработанный аппарат описания речевого акта (правда, аппарат изолированного описания речевого акта, а не соотносительного, т. е. в сравнении с миром, отраженным в речевом акте. Что же касается объекта РМА, то для его описания готового аппарата нет.

Описание объекта РМА должно представлять собой описание его конституентов. Конституентами объекта РМА являются концепты и фокус (темпоральный, локальный, оценочный и т. д.). Фокус находит отражение в концептах и в порядке их следования, откуда следует, что основной элемент описания объекта РМА — это описание концептов, а точнее, концептуальных переменных (или концептпеременных) и тех значений, которые они принимают.

Возьмем в качестве примера такой участок мира, как общественный протест. Для описания того, как данный участок мира отражен в объекте РМА, нам потребуются следующие концептуальные переменные: <событие>, <время>, <место>, <причина>, <эффект>, <цель>, <агент>, <контрагент>. Конечно, данный набор не во всех случаях будет достаточным, но во многих случаях он будет необходим. Концептуальная переменная <агент> может принимать значения типа *студенты, шахтеры, водители такси*; концептпеременная <контрагент> — *полиция, милиция, войска*. Концептпеременная <агент>, в свою очередь, может включать следующие подконцепты — <социальный статус>, <число>, <действия>. <Действия>, в свою очередь, могут включать <насильственные действия> и <ненасильственные действия>; <ненасильственные действия> — <речевые действия> и <неречевые действия>. Хотя в действительности контрагент обладает теми же параметрами, что и агент, в РМА он представлен, как правило, лишь концептуальными переменными действия и числа.

Перечисленные концептуальные переменные могут занимать различное положение в РМА и макро-РМА, но определенная закономерность в их расположении, несомненно, существует.

Значения, которые принимают концептпеременные в РМА, могут быть различной степени обобщенности/конкретности. Ср. *В 8 вечера он съел кусочек пирога «Мишка»* и *Вечером он поужинал*. Различия в степени конкретности, естественно, могут наблюдаться не только среди значений некоторой концептпеременной в различных РМА, но и среди значений различных концептпеременных в рамках одного и того же РМА. Например, в предложении *Вечером он съел кусочек пирога «Мишка», который был испечен по случаю его защиты* степень конкретизации концептпеременной времени гораздо ниже степени конкретизации концептпеременной объекта (воздействия).

Задача описания концептов, которые составляют объект РМА, требует, среди прочего, решения следующих исследовательских проблем. Проблема первая — составление списка концептпеременных. Проблема вторая — установление степеней конкретности значений каждой концептпеременной. Проблема третья — установление соотношения в степе-

ни конкретности значений различных концептпеременных (что позволит ответить, например, на следующий вопрос: фразы *кусочек торта «Мишка»* и *в 8 часов вечера* имеют один и тот же уровень конкретизации или разные?). (Примером концептов с наиболее обобщенным значением могут служить неопределенные местоимения и неопределенные местоименные наречия: *кто-то, что-то, где-то, когда-то* и т. д.)

Если в некотором предложении максимально конкретизировать какую-то из концептпеременных, то это приведет к потере данным предложением отмеченности. Отсюда следует, что между уровнями обобщенности, или абстрактности, значений концептпеременных, составляющих некоторый РМА, существует связь. Для концептпеременной могут быть заданы не только значения различной степени абстрактности, но и типичный для этих уровней контекст. Например, рождение описывается, как правило, в годах, месяцах и днях; день рождения как праздник — в месяцах, днях и часах. Историки в зависимости от характера события могут оперировать и днями, и месяцами, и годами, и столетиями, и даже тысячелетиями.

Различие в уровне абстрактности — это не единственное возможное различие между концептпеременными и их значениями. Концептпеременные могут также различаться, например, способом представления. Так, высота, время, вес, место могут задаваться и абсолютно, и относительно; профессии же и многие другие концепты задаются, как правило, абсолютно.

Исследование речевой ментальности, в отличие от исследования речевого мышления, не может ограничиваться анализом РМА, поскольку, как указывалось, речевая ментальность — это способ речевого представления мира, или соотношение между миром и его речевым образом. Отсюда следует, что при исследовании речевой ментальности РМА должны рассматриваться не изолированно, а в сравнении с теми участками мира, с которыми они соотносятся.

Участок-коррелят описывается таким же образом, как и РМА. Иными словами, каждый участок-коррелят представляет собой РМА, который включает речементальное действие и его объект, состоящий из нескольких концептов³. Конечно, отсюда не следует, что РМА и его коррелят идентичны. Идентична лишь их общая структура, наборы же концептов всегда различны. Таким образом, мы исходим из того, что РМА являются отражением РМА, совершающихся в мире.

Различные участки-корреляты имеют неодинаковый набор концептов. Однако существуют и такие концептпеременные, которые носят универсальный характер, т. е. присутствуют во всех участках-коррелятах. Это, например, концептпеременные времени, места.

Если же выделить типовые участки-корреляты, то участки, относящиеся к одному и тому же типу, будут иметь много общих концептперемен-

³ Выше нам удалось избежать использования термина «ситуация» применительно к миру путем использования термина «участок мира». Для того чтобы не смешивать мир и его отражение при описании участка-коррелята и частей данного участка, нам, строго говоря, также следовало бы использовать термины, отличные от тех, которые применяются при описании РМА. С другой стороны, можно сохранить термины, употреблявшиеся нами для описания РМА, используя нотацию, показывающую, что речь идет о мире, а не о его отражении, например: концепт_{мир} vs. концепт_{РМА}. Мы не воспользуемся данной возможностью, поскольку введение предложенных терминов окончательно разрушит наши надежды удержать число используемых терминов в разумных пределах.

ных. Так, например, все участки-корреляты, связанные с воздействием, среди прочих, обязательно будут включать и следующие концептперемежные: <агент (воздействия)>, <воздействие>, <объект (воздействия)>, <способ (воздействия)>, <успешность (воздействия)>, <цель (воздействия)>, <время (воздействия)>, <место (воздействия)>.

Не только структурирование участка-коррелята, но и само его выделение может представлять значительные трудности. В первую очередь это относится ко второй составляющей РМА — объекту речементального действия. Например, какой конкретно участок мира коррелирует с объектом РМА в случае высказывания *Я хочу есть* как побуждения адресата совершить действия, направленные на устранение описанной негативной ситуации? *Я хочу есть* (плюс ряд других концептуальных переменных, как и во всех последующих вариантах объекта РМА, таких, как время, место и т. д.)? *Я хочу, чтобы ты устранил негативную ситуацию, которая заключается в том, что я хочу есть? Ты делаешь так, что я буду есть? Я ем?* Или какой-либо другой вариант? Без четких критериев установления участка-коррелята возможны значительные расхождения в его интерпретации, а отсюда и значительные расхождения в установлении характера РМА.

Что может стать тем признаком, который позволит сравнивать РМА и объединять те из них, которые соотносятся с одним и тем же участком мира? Наиболее вероятным признаком, на первый взгляд, является *и н т е н ц и я*. Однако если мы воспользуемся интенцией в ее традиционном понимании, то мы столкнемся с серьезными трудностями. Например, какие аспекты побуждения как интенции и как участка-коррелята отражены в высказывании-побуждении *Я хочу есть*? Если исходить из традиционного понимания интенции, то никак.

Более плодотворным представляется подход, основанный на ином понимании интенции. Если интенция говорящего в зависимости от времени реализации разделить на акторечевые и постакторечевые, их, в свою очередь — на исходные и конечные, а также выделить акты, составляющие данные интенции, то мы увидим, что высказывания-побуждения достаточно четко вписываются в полученную схему интенциональных актов: в основе высказываний побуждений лежит один из интенциональных актов, кроме акта исходной акторечевой интенции.

Например, в случае высказывания *Я хочу есть* исходную акторечевую интенцию составляет акт описания, конечную акторечевую интенцию — акт побуждения адресата устранить описываемую ситуацию; акт исходной постакторечевой интенции заключается в том, чтобы адресат предпринял действия по устранению описанной ситуации, а акт конечной постакторечевой интенции — в том, чтобы говорящий утолил чувство голода.

Если выделить также мотив акта исходной постакторечевой интенции, то семантические модели побуждений можно будет описать следующим образом: в основе побуждения может лежать акт конечной акторечевой интенции, акт исходной постакторечевой интенции, мотив акта исходной постакторечевой интенции и акт конечной постакторечевой интенции. Приведем примеры, иллюстрирующие перечисленные четыре модели: I модель — *Я прошу вас дать мне чего-нибудь поесть*, II класс — *Принесите мне чего-нибудь поесть*, III класс — *Я хочу есть* и IV класс — *Я буду есть через 20 минут* (высказывание, обращенное к дворецкому) (подробнее об иерархии интенций и моделях высказываний-побуждений см. [3, с. 217—276]).

Подобно тому, как концептуальные переменные могут различаться степенью конкретности значений, которые они принимают, РМА, соотносящиеся с одним и тем же участком мира, могут различаться широтой его охвата. При этом степень конкретности концептов, входящих в состав некоторого РМА, не всегда коррелирует со степенью широты охвата отражаемого участка данным РМА. Что касается побуждений, то наибольшая широта охвата присуща, по-видимому, РМА-констатациям, в основе которых лежит акт конечной акторческой интенции, т. е. побуждения типа *Я прошу вас...* (Следует сказать, что в целом косвенная речь более информативна относительно описываемого в ней мира, чем прямая речь. Например, если *X* говорит *У*: *Добрый день!*, то мы можем описать эту ситуацию как *X поздоровался с У*. Второе высказывание гораздо полнее передает участок-коррелят, чем первое высказывание, в котором не представлены ни говорящий, ни адресат, ни само речевое действие. Большая близость косвенной речи к описываемому в ней миру объясняется тем, что в случае прямой речи говорящий может использовать контекст, кинесические и паралингвистические средства, в то время как в случае косвенной речи говорящий лишен этой возможности и поэтому вынужден передавать всю информацию вербально.)

Анализ речевого побуждения как участка мира, основанного на использовании понятия интенции в предложенном выше смысле, позволяет собрать воедино различные средства побуждения и таким образом дает возможность увидеть, что побуждение как участок мира и как его речевое представление образуют гораздо более сложную картину, чем та, к которой можно прийти, анализируя изолированные побуждения или различные группы побуждений, пользуясь понятием интенции в его традиционной интерпретации.

Мир можно изучать, исследуя его речевое отражение. Так, не проводя описанного выше анализа побуждений, трудно было бы даже предположить, что существуют побуждения, в основе которых лежит мотив согласия адресата совершить желаемое действие (т. е. акт исходной постакторческой интенции). Ср.: *Помогите, я истекаю кровью и Подождите, я скоро вернусь*. В основе первого высказывания лежит мотив акта исходной постакторческой интенции, а в основе второго высказывания — мотив согласия совершить акт исходной постакторческой интенции. Лишь между частями первого высказывания существует причинная связь, ср.: *Помогите, потому что я истекаю кровью и (?) Подождите, потому что я скоро вернусь*.

Что определяет языковую ментальность, формирует ее? Применительно к индивиду это: а) те его особенности, которые определяются его принадлежностью к некоторой социокультурной группе (в самом широком понимании культуры), т. е. особенности данного индивида как представителя некоторой социокультурной группы (выделяемой на основе образовательного уровня, профессии, возраста, пола и т. д.) и б) те его особенности, которые определяются его социокультурной средой. К социокультурной среде относятся, например, круг знакомых на работе, круг знакомых вне работы, круг родственников, близких, страна проживания. Особенности страны как социокультурной среды — это культурные традиции, история, политическое устройство и под.

Направленность связи между социо-культурными факторами и языковой ментальностью, а также характер данной связи применительно к индивиду могут быть различными на разных этапах его развития. На начальных этапах усвоения языка человек идет от языкового мышления

к социокультурным стереотипам мировосприятия, поскольку с усвоением языка человек усваивает и языковую ментальность. В дальнейшем, т. е. после усвоения языка, связь обратная — социокультурные факторы определяют языковую ментальность.

Таким образом, социокультурные стереотипы восприятия мира формируют языковую ментальность, кристаллизуются в ней. Несомненно определенную роль играют и языковые факторы (языковая ментальность подвержена их влиянию в гораздо большей степени, чем речевая ментальность, однако она незначительна по сравнению с ролью социокультурных факторов). В случае речевой ментальности социокультурные факторы выступают в роли своеобразных фильтров, которые образуют различные комбинации. Пропустив через эти фильтры один и тот же участок мира, мы получим различные представления, или отражения, последнего.

Рассмотрим следующий пример. Если попросить описать некоторое политическое событие журналиста и человека, не интересующегося политикой, то их описания несомненно будут отличаться не только в плане языка, (в первую очередь, используемыми лексическими единицами), но и в плане содержания, т. е. в плане осмысления данного события, с точки зрения его речевого представления. (Отметим в этой связи, что основу стилевых различий образуют, видимо, именно различия в языковой ментальности).

Языковая ментальность неодинакова у различных людей, что делает возможным и необходимым выделение индивидуальной, групповой и коллективной языковой ментальности. Наиболее глубокие различия, следует полагать, наблюдаются не в области языковой, а в области речевой ментальности.

Поскольку ведущими детерминантами языковой ментальности являются социокультурные факторы, а эти факторы достаточно изменчивы, языковая ментальность также изменчива. При этом языковая ментальность в большей степени консервативна, чем речевая ментальность. Следует при этом отметить, что различные аспекты языковой ментальности и речевой ментальности в разной степени подвержены изменениям. Отсюда следует, что возможно существование таких аспектов языковой ментальности, которые в большей степени изменчивы, чем некоторые аспекты речевой ментальности.

Из того факта, что языковая ментальность определяется в первую очередь социокультурными факторами, а не языковыми, можно сделать вывод, что типы ментальностей следует выделять не по языковому, а по социокультурному признаку. Хотя во многих случаях определенный набор социокультурных признаков коррелирует с определенным языком, тем не менее типы языковых ментальностей следует выделять именно по социокультурному признаку, и поэтому, говоря о русской, английской и других ментальностях, следует подразумевать ментальности, соотносимые с соответствующими социокультурными общностями, а не с языками.

Независимость характера языковой ментальности от языка, делает возможным выделение ментальностей как в рамках одной языковой общности (например, дореволюционная русская языковая ментальность vs. советская русская языковая ментальность), так и вне рамок языковой общности (например, советская языковая ментальность). Приведем в этой связи следующий эпизод из воспоминаний супруги О. Мандельштама: «Не прошло и года, как Фадеев, празднуя в Лаврушинском пе-

реулке по поводу первых писательских орденов, узнал о смерти Мандельштама и вышел за его упокой: „Загубили большого поэта“. В переводе на *советский язык* (курсив наш. — П. О.) это значит: „Лес рубят — щепки летят“» [4].

Независимость особенностей языковой, ментальности от языка, может приводить к тому, что различия между языковыми, ментальностями представителей разных социокультурных групп, которые являются членами одной языковой, общности, могут оказываться более значительными, чем различия между языковыми, ментальностями представителей одной социокультурной группы, принадлежащих к разным языковым, общностям.

Независимость характера языковой, ментальности от языка, делает возможным перевод с одной языковой, ментальности на другую в рамках одного и того же языка. Разумеется, при этом мы сталкиваемся не только с различием национальных ментальностей, но с различными типами газетной информации (что обусловлено, конечно, и политически), далее — с различными национально-культурными стереотипами, т. е. явлениями более широкой природы. Сейчас мы не ставим своей целью четко разграничить эти явления. Однако, например, теоретически возможен перевод номера газеты «Таймс» с западной языковой, ментальности на советскую, как и перевод номера газеты «Правда» с советской языковой, ментальности на западную без выхода за рамки исходного языка, т. е. языка оригинала. При этом неизбежно будут как информационные лакуны, так и избыточная информация (например, при переводе с британской языковой, ментальности на советскую информация о возрасте преступника, который был задержан полицией, будет избыточной).

Языковую, ментальность можно изучать изолированно, т. е. анализируя некоторую отдельно взятую языковую, ментальность, или сопоставительно, т. е. путем сравнения языковых, ментальностей. Поскольку языковая, ментальность определяется не языковыми, а социокультурными факторами, в ходе сопоставительного анализа языковых, ментальностей выход за рамки одного языка отнюдь не обязателен: тождество языка совсем не гарантирует тождества языковых, ментальностей.

Как изолированное, так и сопоставительное изучение языковых, ментальностей может проводиться на разных уровнях — на уровне языковой, ментальности в целом, на уровне языковой, ментальности, на уровне речевой ментальности, на уровне ЯМА, на уровне РМА. Каждый из перечисленных уровней может исследоваться применительно к некоторому социокультурному образованию, применительно к некоторому индивиду.

Сравнительный анализ языковых, ментальностей позволит выявить универсальные и индивидуальные свойства языковых, ментальностей, которые, естественно, не могут быть обнаружены путем изолированного рассмотрения. «Если человек „за“ что-то, то он автоматически считает себя свободным от предвзятости. Только когда он против чего-нибудь, он чувствует какую-либо необходимость признать возможность того, что его мнение было предвзятым» [5]. Сравнительный анализ языковых, ментальностей позволит выявить «предвзятость» в области языковой, ментальности, которая скрывается за маской «за».

Возможные различия между языковыми, ментальностями достаточно разнообразны и весьма многочисленны. Они могут быть объединены в следующие два класса: а) различия в том, какие части мира оказываются охваченными концептами/ситуациями, и б) различия в том,

как озаглавлены те части мира, которые оказываются покрытыми/концептами/ситуациями.

Приведем некоторые из возможных различий между речевыми ментальностями, которые относятся ко второму классу. (Отметим, что в работах по принципу лингвистической относительности речь идет об этноспецифических особенностях того, что в данной статье именуется языковым мышлением, а не того, что нами определено как речевая ментальность.)

Различия в объеме РМА, т. е. различия в том, участки мира какого объема «помещаются» в РМА. Известно, что нередко для перевода одного предложения языка оригинала требуется более, чем одно предложение перевода, что можно объяснить именно различием в объеме соответствующих РМА. То, что синхронный перевод удобнее осуществлять не с иностранного языка на родной, а наоборот, возможно, объясняется тем, что переводчику легче прогнозировать речевые действия человека, у которого идентичная или близкая речевая ментальность. (Когда выходец из Франции, американский писатель Дж. Грин попытался самостоятельно перевести одну из своих книг с французского языка на английский, то вместо перевода получилась новая книга: «У меня было такое ощущение, что когда я писал по-английски, я как будто становился другим человеком» [6].)

Различия в концептуальном наборе РМА. Сравнение подписей к плакатам, использовавшимся в СССР и США во время войны, показывает, что между ними имеются значительные различия в концептуальном наборе. См., например, следующую подпись: *They Give Their Lives — You Lend Your Money* («Они отдают свои жизни — Вы одолживаете деньги») [7]. Для носителей советской языковой ментальности сочетание концепта «жизнь» и концепта «деньги» в аналогичном по интенции высказывании было бы невозможным (ср. уже сказанное о переплетении политических, национально-культурных и собственно языковых стереотипов в газетной информации).

Различия в значении концептуальных переменных. В статьях, посвященных смерти А. Д. Сахарова, в британских газетах концептуальная переменная «социальный статус» принимала значения «отец водородной бомбы», «лауреат Нобелевской премии, правозащитник»; в советских же газетах данная концептуальная переменная принимала следующие значения «академик», «ученый», «народный депутат».

Различия в степени конкретности значений концептуальных переменных. В британских газетных сообщениях, касающихся демонстраций, число участников, как правило, специфицировано в большей степени, чем в советских газетных сообщениях.

Таким образом, этноспецифична не только интерпретация текста, но и языковая, интерпретация мира, т. е. его языковое представление, или репрезентация. Поэтому можно говорить не только об этногерменевтике (см. раздел «Этногерменевтика» в [8]), но и об этнорепрезентологии. [Трудно удержаться от того, чтобы не высказать догадку, что различия в тактике ведения международных переговоров, возможно, объясняются отчасти различиями в языковой, ментальности участвующих в переговорах сторон. Конечно, аргументированно подтвердить или опровергнуть данную гипотезу можно будет только в результате детального анализа как самих различий, так и связи (если наличие таковой будет установлено) между данными различиями и языковой, ментальностью.]

Язык относится к числу тех устройств особого рода, которые достаточно просты в использовании и обучении пользованию, но неизмеримо сложнее в плане познания их механизма. Представляется, однако, что исследователи языка нередко сами делают язык (а точнее, его образ) более сложным, чем он есть на самом деле (в первую очередь, по-видимому, в силу ухода от сущностных вопросов в сторону периферийных, а также в результате ухода от закономерных явлений в сторону случайных). Предлагаемая в данной статье концепция, по крайней мере, достаточно проста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kendall L.* Looking at pictures and looking at things // *Philosophy and [visual arts]*. Dordrecht, 1987.
2. *Бобровский В. П.* Тематизм как фактор музыкального мышления. М., 1989. С. 7—17.
3. *Почепцов О. Г.* Основы прагматического описания предложения: Дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1989.
4. *Мандельштам Н.* Воспоминания // *Юность*. 1989. № 8. С. 42.
5. *Seamans E. L.* The language of prejudice // *Language: Concepts and processes*. Englewood Cliffs, 1973. P. 158.
6. *Haugen E.* Linguistic relativity: Myths and methods // *Language and thought: Anthropological issues*. The Hague; Paris, 1977. P. 24.
7. *The language of World War II: Abbreviations, captions, quotations, slogans, titles and other terms and phrases / Compiled by Taylor A. M.* N. Y., 1944. P. 67.
8. *Language and thought: Anthropological issues*. The Hague; Paris, 1977.